

Д. Л. ТАЛИС

РОСЫ В КРЫМУ

Изучение истории раннесредневековой Таврики имеет первостепенное значение для исследования исторических процессов на территории всего Северного Причерноморья. Это обусловлено двумя факторами. Во-первых, в этом районе сталкивались интересы крупнейших государств того времени: Византийской империи, Хазарского каганата, а затем и Киевской Руси. Каждое из этих государств обладало письменностью, поэтому как ни мало письменных свидетельств о Таврике эпохи раннего средневековья, этих данных все-таки больше, нежели о любом другом районе Восточной Европы. Сообщаемые сведения принадлежали разноязычным авторам — грекам, арабам, хазарам, что создает в ряде случаев возможность проверки фактов, особенно когда речь идет об одних и тех же событиях.

Второй фактор обусловлен тем, что показания письменных источников могут быть сопоставлены, хотя и не всегда, с археологическими данными о многих событиях и фактах истории Крыма. Накопленный к нынешнему времени археологический материал позволяет дать в ряде случаев однозначные ответы там, где предлагавшиеся ранее решения, базировавшиеся только на письменных источниках, были гадательными, спорными или неопределенно многозначными. В настоящей статье мы пытаемся, сопоставляя показания письменных источников и археологических материалов, решить один из интересных вопросов, сформулированных еще историографией XIX в., — о росах в Крыму, — являющегося частью более общей проблемы о так называемой Азово-Черноморской Руси. Эта проблема в течение длительного времени порождала острую полемику. Отсылая интересующихся историографией этой проблемы к сравнительно недавно вышедшей работе¹, отметим, что в 50-х годах вновь оживленную дискуссию вызвал вопрос, являющийся иным аспектом этой же проблемы — о времени появления славян и Руси в Крыму². Появившийся в течение последних двух десятилетий археологический материал не прибавил новых данных в пользу тезиса о проникновении славян в Крым еще в период раннего средневековья. В Крыму были выявлены единичные находки вещей черняховского типа. Однако вопрос о связи черняховской культуры со славянской, как известно, спорный³.

¹ Сжатую характеристику существующих точек зрения см.: А. В. Гадло. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII — X вв. Вестн. ЛГУ, 1968, 14, вып. 3, стр. 55—59.

² Б. А. Рыбаков. Славяне в Крыму и на Тамани. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма 24.V.1952 г. Симферополь, 1952; Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий. К вопросу о славянах в Крыму. ВИ, 1954, 4; А. П. Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму. ВДИ 1953, 3; *его же*. К вопросу об истоках Приазовской Руси. СА, 1958, 2.

³ См. материалы сборников: «Славяне накануне образования Киевской Руси». МИА, 108, 1963; «Проблемы Черняховской культуры». КСИА АН СССР, 121, 1970, а также: И. Вернер. К происхождению и распространению антов и склавенов. СА, 1972, 4; В. В. Седов. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья. СА, 1972, 4. (В последних двух статьях см. указания на новейшую историографию.)

Тем более интересен вопрос о происхождении в Крыму топонимов с корнем «рос». Географические термины на западном побережье Крыма, содержащие этот корень, встречаются на каталонских и итальянских портоланах начиная с XIII в. и сохраняются на различных географических картах вплоть до XVI в.⁴ Этим терминам посвящена небольшая литература⁵. Речь идет о том, что на упомянутых картах в южной части Тарханкутского полуострова находился Rossofar (варианты: Rosofar, Roxofar), а местность еще южнее носила название Rossoca. С этими же названиями следует, очевидно, связать топоним, находившийся хотя и не в Западном Крыму, но в непосредственной близости, — Rossa, ныне Тендерская коса, Ахиллов дром античных авторов. На востоке Крыма или в Приазовье хрисовулл Мануила I Комнина от 1169 г. и печать Феофано Музалон указывают топоним «Россия»⁶. С этим термином нужно, вероятно, сопоставить топонимы тех же портоланов с корнем «рос» в Приазовье — Rosso или fiume Rosso вблизи устья Дона и Casale dei Rossi к югу от Азова. В 27 милях от Матрахов Идриси помещает пункт Русия, который можно отождествить с Россией — Боспором⁷.

Для соотнесения интересующих нас крымских топонимов с реальными носителями этого имени важны начальные даты возможного появления этих топонимов и этнонимов на территории Таврики. Существенные сведения для решения вопроса содержатся в житии Георгия Амастридского, написанного до 842 г.⁸ Для нас особенно важно то место жития, где сообщается о нашествии варваров, народа рос, который «начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достиг, наконец, и до отечества святого». Описывая далее жестокости и беззакония, совершенные варва-

⁴ N. A. Nordenskiöld. Periplus Stockholm, 1897, pls: V, VI, IX, XVI, XVIII, XIX, XXII, XXXI, XL, XLIII, p. 25, 33, 59.

⁵ А. А. Шаптаров. Варанголимен и Россофар. Сборник в честь В. И. Срезневского. Л., 1924, стр. 160—178. Там же исчерпывающая историография вопроса.

⁶ F. Miklosich, J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi, vol. III. Vindobonae, 1865, p. 25.37; Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмутаракани. ВВ, XVIII, 1961, стр. 83 сл.; В. Л. Янин. Печати Феофано Музалон. В сб. «Нумизматика и сфрагистика», 2, Киев, 1965, стр. 76—90. Точная локализация географического термина «Россия» затруднительна. В хрисовулле Мануила генуэзские купцы получили право торговли во всех областях «нашего царства, за исключением России и Матрахи». Отсюда следует, что, во-первых, Россия не тождественна Тмутаракани, и, во-вторых, Россия, как и Тмутаракань, была городом-портом. Поскольку термином «Тмутаракань» обозначался не только город, но и вся примыкающая область (см. А. Л. Монгайт. О границах Тмутараканского княжества в XI в. В сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 55), следует полагать, что Россия была расположена не на Таманском полуострове. Есть серьезные аргументы в пользу утверждения, что Россия находилась на Боспоре. Б. А. Рыбаков. Русские земли на карте Идриси 1154 г. КСИИМК, 43, 1952, стр. 3—44; А. V. Soloviev. Domination byzantine ou russe au Nord de la Mer Noire à l'époque des Comnènes? «Akten des XI Internationalen Byzantinisten Congresses». München, 1960, S. 572—573. Об отождествлении России и Боспора может свидетельствовать тот факт, что на соборе 1066 г. присутствовали архиепископы Готии и Боспора, на соборе же 1067 г. — архиепископы Русия и Готии. Отсюда, вероятно, следует, что архиепископ Русия и есть архиепископ Боспора (А. П. Каждан. Византийский податный сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. в сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 94).

⁷ Géographie d'Edrisi, trad. par A. Jaubert, t. II, Paris, 1840, p. 400 sq.; Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 17. Хотя точная локализация пункта Русия карты Идриси не бесспорна, но указываемое Идриси расстояние — 27 миль позволяет отнести и этот топоним к рассматриваемому району — берег Керченского пролива или, более широко, Приазовье. Н. Бэнеску (N. Bănescu. La domination byzantine à Matracha (Tmutorokan), en Zichie, en Khazarie et en «Russie» à l'époque des Comnènes. «Bulletin de la section historique de l'Académie Roumaine», XXII, 2. Bucarest, 1941, p. 55—77). помещает пункт Русию в устье Дона. Там действительно, находился географический пункт Rosso портоланов (см. N. A. Nordenskiöld. Op. cit. pls: VI, IX, XVI, XVIII), но, как явствует из сказанного, это другой топоним, не совпадающий с Россией.

⁸ В. Г. Васильевский. Житие Георгия Амастридского. Труды, III. СПб., 1915. По поводу дальнейшей полемики о дате этого памятника см. Е. Э. Липшиц. О походе Руси на Византию ранее 842 г. ИЗ, 26, 1948, здесь приводятся новые аргументы в пользу датировки В. Г. Васильевского.

рами в Амастриде, автор указывает, что все это «древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее свою силу». По мнению В. Г. Васильевского, в словоупотреблении автора жития, отмечающего, что древняя таврическая ксеноктония остается юной, т. е. сохраняет силу и значение у народа рос, выступает представление о непрерывном существовании этого обычая и о родстве или связи между таврами и росами⁹. Свидетельство жития Георгия Амастридского, будучи наиболее ранним и прямым указанием на связь этнонима «рос» с территорией Крыма, не единственное. Арабские авторы Аль Балхи, Истахри и Ибн-Хаукаль либо их общий источник приписывают этот обычай древних жителей Таврического полуострова одному из племени русов¹⁰. Эти сведения, очевидно, отражали бытовавшие на арабском Востоке представления об обитании русов в Таврике¹¹. Арабские авторы, правда, нигде не называют Таврику прямо местом обитания русов. Однако возможность привлечения этих свидетельств и достоверность опирающихся на них выводов существенно подкрепляются еще одной группой фактов. По крайней мере вплоть до второй половины XII в. византийские авторы, описывая области, примыкающие к Черному морю, связывали обычай ксеноктонии с таврами и ни с кем более. Эти описания, имея источником греческую мифологию и древних авторов, очевидно, не отражали этнографической ситуации в Крыму конца I — начала II тысячелетия н. э., однако территория, к которой относится упоминание ксеноктонии, очерчивается вполне определенно и сомнений не вызывает — именно та территория, на которой совершалась ксеноктония в мифе об Ифигении. Об этом ясно говорится в письме Михаила Хониата, писателя и религиозного деятеля второй половины XII в., к одному из своих друзей: «Страшит меня лежащая на той стороне пролива Тавроскифия, да не перейдет из нее на тебя злой обычай убивать чужеземцев»¹². Этот обычай упоминает несколько раньше учитель Хониата, Евстафий Катафлорон, митрополит Солунский¹³.

Дальнейшее подтверждение правомерности отнесения первоначального обитания росов к Таврике находим в фактах, связанных с употреблением в источниках термина «тавроскифы». При всей сложности объяснения этого термина, в особенности его возникновения¹⁴, несомненна связь средневековых носителей этого имени с территорией Крыма. В первые века нашей эры Птолемей помещал тавроскифов на Ахилловом Беге¹⁵ и там же помещал тавров Дионисий Периегет¹⁶. Однако позднее у византийских авторов земля тавроскифов ассоциируется только с Таврикой¹⁷.

Многочисленные данные, собранные В. Г. Васильевским, позволили ему утверждать, что этникон «тавроскифы» применялся в первых шести веках нашей эры только к обитателям Таврики либо районов, к ней примыкав-

⁹ В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. CXLIX.

¹⁰ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 193, 220—221, 276; Т. Левицкий. Важнейшие арабские источники о славянских странах и народах, относящиеся к раннему средневековью. В сб. «Сообщения польских ориенталистов», вып. II. М., 1961, стр. 54.

¹¹ А. И. Соболевский. «Третье» русское племя. ДАН, 1929, 4, стр. 38; А. Н. Насонов. Тмуторокань в истории Восточной Европы. ИЗ, 6, 1940, стр. 81.

¹² А. П. Каждан. Ук. соч., стр. 99.

¹³ SC, I, вып. 1. СПб., 1893, стр. 195—196.

¹⁴ Е. I. Соломоник. Про значення терміна «тавроскіфи». АП, XI, Київ, 1962, стор. 153—157.

¹⁵ Ptolemaios. Geographika, III, 5, 11 (SC, I, p. 232).

¹⁶ Dionysios. Periegesis, vers. 306 (SC, I, p. 181).

¹⁷ Исключая сообщение автора составленной по Страбону географии, относящейся ко второй половине X в. У него Тавроскифия лежит между устьями рек Борисфена и Каркинита, т. е. это земля, находящаяся в непосредственной близости от Таврики, но с ней не совпадающая. Смысл всего этого сообщения очень неясен (Chrestom. Strab. VII. SC, I, p. 166).

ших¹⁸. С другой стороны, в более позднее время, со второй половины X в., тавроскифами византийские авторы называли приднепровских славян. Таким образом, оба этникона, обозначающие во второй половине I тысячелетия н. э. приднепровских славян, — росы и тавроскифы — связаны с Крымом. Эта связь отчетливо осознавалась современниками. Лев Диакон, рассказывая о военных действиях Святослава в Болгарии, воинов Святослава называет чаще всего тавроскифами или таврами, объясняя, что таково их подлинное имя и что только по-простонародному они именуются росами¹⁹. Несомненна связь с Крымом в наименовании Генесием одного из подразделений императорской гвардии, относящемся к 854 г. «скифы из Таврики»²⁰, или подобным же оборотом у Кедрина и Зонары: «грубый и дикий скифский народ Рос», который они помещали «у северного Тавра»²¹.

В литературе высказывалось мнение, что такое словоупотребление у названных выше писателей является не более чем книжным оборотом²². Это утверждение верно лишь в той мере, в какой оно соответствует тому факту, что во второй половине X в. воины Святослава обитали не в Крыму, а в Приднепровье. Но в целом вся эта терминология отражает несомненную связь между этниконом и территорией. В связи с этим напомним достаточно хорошо известный факт, что готы в византийской литературе стали называться скифами не тогда, когда они обитали на Готланде, в Прибалтике или Волыни, а лишь с III в. н. э.²³, т. е. когда они осели на землях, на которых действительно или по представлению византийских авторов обитали скифы. Другой факт: аланы Северного Кавказа в известных нам византийских источниках нигде не именуются таврами. Однако в Безымянном Перипле V в. н. э. говорится, что Феодосия имеет другое название — Ардаба на аланском или таврском языке²⁴. Иными словами, автор Перипла отождествляет алан и тавров. Происходит это потому, что аланы продвинулись на территорию, на которой, по мнению византийских писателей, обитали тавры. Таким образом, даже заведомо ошибочные этнические отождествления — готы не скифы, а аланы не тавры, — явившиеся результатом неправильных географических представлений византийских авторов и хронологической аберрации, а также склонности многих из них к изопренной книжности, тем не менее отражают реальную связь между этнической и географической номенклатурой. Связь между этниконом тавроскифы и территорией тавроскифов исторически тем достовернее, чем со второй половины I тысячелетия н. э. все сколько-нибудь ясные свидетельства современников под Тавроскифией разумеют Крым целиком или частично. В житии Иоанна Готского говорится, что земля тавроскифов подчинена власти готов²⁵. В житии херсонесских мучеников, написанном ранее X в., рассказывается, что один из них был поставлен епископом в Корсуне, в епархии тавроскифов²⁶. Топоним «Тавроскифия» в применении к Крыму прочно удерживается вплоть до XII в. Выше уже приводилось письмо Михаила Хониата, где сказано: «Страшит меня лежащая на той

¹⁸ В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. CLXVIII, CCXCVIII. Возможно, что другим эквивалентом этого термина являлись «скифотавры», известные у Плиния, Арриана и Анонимного Перипла V в. Последний помещает гавань скифотавров в 200 стадиях от Феодосии, т. е. близ Судака (В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. CCXCVIII).

¹⁹ *Leonis Diaconis. Historiae libri decem.* Bonnae, 1828, p. 63.

²⁰ *Genesius.* Bonnae, 1834, p. 89.

²¹ *Georgius Cedrenus. Joannis Scylitzae.* Bonnae, 1839, II, p. 173; *Zonaras.* Lipsiae, 1868—1875, IV, p. 15.

²² П. О. Карышковский. Лев Диакон о Тмутараканской Руси. ВВ, XVII, 1960, стр. 39—51.

²³ «Скифы, называемые готами». См. *Dezippos. Chronica.* SC, I, вып. III, СПб., 1900, стр. 651.

²⁴ *Anonymi Per.* § 52. SC, p. 283.

²⁵ В. Г. Васильевский. Труды, II, стр. 121, 133.

²⁶ В. В. Латышев. Жития св. епископов Херсонских. ЗАН, 8 серия, VIII, 3, 1906, стр. 58.

стороне пролива Тавроскифия»²⁷. Отсюда, кстати, следует, что во второй половине XII в. Тавроскифией называли весь Крым, так как «на той стороне пролива» — имелась в виду противоположная по отношению к Тмуракани сторона Керченского пролива.

Итак, письменные источники свидетельствуют о том, что росы, обитатели Приднепровья, именовались тавроскифами, хотя в то же время топоним Тавроскифия вполне четко локализовался в другом месте. Это совпадение имен при одновременном различении территорий указывает на несомненную связь в представлениях современников топонима и этнонима. Подводя итоги всему сказанному, можем утверждать, что не позднее X в. тавроскифы, обитавшие в Таврике, идентифицируются с росами, оставившими след в крымской топонимике. Оба этих этникона, росы и тавроскифы, не позднее второй половины X в. пересекаются в имени одного народа, приднепровских славян.

Terminus post quem по появления географической номенклатуры с корнем «рос» на географических картах устанавливается из следующих соображений. Во всех случаях, когда географическая терминология каталонских и итальянских портоланов, касающаяся Крыма, может быть сопоставлена с бытовавшими ранее названиями тех же объектов, выясняется глубокая древность этой терминологии и отсутствие произвольных новообразований. Особенно доказательны не прямые совпадения терминов, которых очень много²⁸, а кажущиеся расхождения итальянских и греческих названий типа Сюмболон (современная Балаклава) — Чембало, Феодосия — Кафа. Тождественность Сюмболон и Чембало совершенно очевидна — это слова, различающиеся лишь огласовкой, но с одинаковым набором согласных. В слове «Чембало» итальянских карт звучит античный Сюмболон. Еще более существенно сопоставление Кафы с Феодосией. В сочинении Константина Багрянородного, написанном в середине X в., Феодосия названа Кафой²⁹. Особенно интересно, что это наименование встречено в так называемом рассказе о Гикии, который включен Константином в его повествование, но, судя по целому ряду признаков, относится к первым векам нашей эры³⁰. Между тем, не будь этого единственного упоминания о существовании термина «Кафа» в I тысячелетии н. э. у Константина Багрянородного, следовало бы полагать, что этот топоним позднего происхождения, не ранее времени появления генуэзцев в Причерноморье. Рассмотренная параллель Кафа — Феодосия показывает, что географическая терминология каталонских и итальянских портоланов отражает не только, так сказать, официальную, но и издревле бытовавшую наряду с официальной демотическую терминологию, скрытую от нас отсутствием источников и уходящую своими корнями, бесспорно, в I тысячелетие н. э., а может быть, и его начало.

Итак, в соответствии с греческими и арабскими письменными источниками и данными топонимики можно утверждать, что не позднее во всяком случае первой половины X в. в Западной и Восточной Таврике, а также в Северном и Восточном Приазовье обитал многочисленный и известный своим соседям народ, который византийские авторы называли росы, тавроскифы, скифы или тавры, а арабские писатели — русы³¹. Этому утверждению, опирающемуся на показания письменных источников, противоречит археологический материал. Вещественные памятники, прежде всего керамика раннеславянского или русского происхождения на Нижнем Дону

²⁷ А. П. Каждан. Ук. соч., стр. 99.

²⁸ А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. ИТУАК, 57, 1920, стр. 3—135.

²⁹ *Const. Porph. De adm. imp.* Ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 266.

³⁰ R. Garnett. The story of Gycia. The Engl. Hist. Review, XII, 1897, p. 100—105.

³¹ По мнению В. Г. Васильевского, уже в первой половине IX в. имя русов было не только хорошо известно, но и достаточно распространено на северном побережье Черного моря (В. Г. Васильевский. Труды, III, стр. СХ).

или Тамани ранее XI в. отсутствует, но и позднее она не становится там господствующей³². На северном побережье Азовского моря и по берегам впадающих в него рек славянских памятников не обнаружено вовсе³³, как нет их и в Крыму, исключая единичные находки, датирующиеся временем не ранее XII—XIII вв., и вещи, относящиеся к русской колонии в Херсонесе, также не ранее XII—XIII вв.³⁴ Таким образом, сопоставление письменных и археологических данных приводит к внутренне противоречивому, во всяком случае на существующей стадии изучения, тезису: в I тысячелетии н. э. росы жили в Крыму, но в это время славянской Руси в Крыму не было.

Наличие противоречий в письменных и археологических данных требует прежде всего определения хронологических критериев, которыми мы будем руководствоваться при оценке сходства или различия описываемых материалов и сопоставляемых фактов. В степной и предгорной части Крыма сельские поселения, как правило, возникают в VII и погибают на рубеже IX—X вв. и лишь отдельные поселения существовали дольше, в течение X в. К XI в. оседлое население сосредоточилось в основном в Боспоре — Корчеве и Тмутаракани³⁵. Таким образом, нижняя хронологическая грань привлекаемого для сравнения материала славянских памятников — это третья четверть I тысячелетия н. э., а верхняя — рубеж IX—X вв. Славянские памятники третьей четверти I тысячелетия были изучены археологическими работами по преимуществу последних 15—20 лет, а потому они не получили отражения ни в материалах дискуссии 1952 г., ни в упоминавшихся выше статьях 40—50-х годов, так или иначе затрагивавших вопросы появления славян в Крыму. Отсутствие же синхронных аналогий во многом обусловило недостоверность выводов как сторонников, так и противников тезиса о раннем проникновении славян в Крым. В работах археологов-славистов, опубликованных в недавнее время, определены характерные черты погребального обряда, планировки поселений, устройства жилищ, дана классификация керамики и указаны типологические особенности некоторых категорий вещей, присущих раннеславянским памятникам. Все это создает достаточно надежные критерии для оценки сходства или различия сопоставляемых с раннеславянскими синхронных памятников Крыма³⁶.

Существующее противоречие в показаниях археологических и письменных источников о росах в логическом плане может быть снято двояким способом. Первый — поселения со славянской керамикой I тысячелетия н. э. в Крыму были, но они нам неизвестны. Второй — топонимы с корнем «рос» оставлены росами, для которых характерен не славянский, а иной массовый керамический материал. Оба эти предположения логически равновероятны, поэтому проверим их с точки зрения соответствия известным историческим фактам. На территории центральной и восточной части

³² И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XIII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, 6, 1941, стр. 191—246; С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. В сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963.

³³ Д. Т. Березовець. Слов'яни й племена салтівської культури. «Археологія», XIX, 1965, стор. 61, 62.

³⁴ А. Л. Якобсон. К истории русско-корсунских связей. ВВ, XIV, 1958, стр. 116—128; Г. Ф. Корзухина. О памятниках «корсунского дела» на Руси. ВВ, XIV, 1958, стр. 129—137.

³⁵ А. В. Гадло. Ук. соч., стр. 60.

³⁶ См. И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958; Д. Т. Березовець. Поселения улчей на р. Тясмине. МИА, 108, 1963, стр. 145—208; *его же*. Слов'яни й племена салтівської культури. Археологія, XIX, 1965, стр. 47—67; И. П. Русанова. Поселение у с. Корчака на р. Тетерева. МИА, 108, стр. 39—50; *ее же*. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. В сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 143—150; В. В. Седов. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья. СА, 1972, 4, стр. 116—129; И. Вернер. К происхождению и распространению антов и склавенев. СА, 1972, 4, стр. 102—115.

Степного Крыма, т. е. к востоку от Симферополя и вплоть до Керченского пролива, известно уже около 60 поселений конца VII — начала X в.³⁷ Изученность этих памятников различна: часть подвергалась широким раскопкам или разведкам путем закладки разведочных раскопов и шурфов³⁸, другие известны по подъемному материалу³⁹. Ни на одном из этих поселений, насколько можно судить по данным исследователей, осуществлявших раскопки и разведки, а также исходя из результатов наших собственных разведок и сборов на памятниках, не найдено никаких материалов, которым можно было бы указать бесспорные аналогии в славянской керамике третьей и начала последней четверти I тысячелетия н. э. Речь, следовательно, идет о различных вариантах керамики пражского, корчакского, райковецкого, пеньковского, волынцевского, пастырского типов, характерных для поселений, расположенных в бассейне Днестра с его притоками⁴⁰, и керамике так называемого южнославянского типа, известной на поселениях между Бугом и Дунаем, а также расположенных и южнее, в Румынии и Болгарии⁴¹. На отсутствии общих черт в керамическом комплексе степных поселений Крыма и славянской керамики X в. и позднее, т. е. собственно древнерусской, нет нужды останавливаться в силу их одновременности. На поселениях с керамикой пеньковского, пастырского и волынцевского типов имеется и керамика салтово-маяцкого и салтоидного облика, аналогии которой рассматриваемой посуде будут отмечены дальше.

Расположенные в степи крымские поселения отличает от раннеславянских не только керамика, но и характер планировки, конструкция жилищ, устройство хозяйственных поселений. Это со всей ясностью показали раскопки в центральной и южной частях Керченского полуострова В. Ф. Гайдукевича, Д. Б. Шелова, А. В. Гадло; в северной части Керченского полуострова — на Казантипском полуострове автора этих строк; в Юго-Восточном Крыму — В. П. Бабенчикова, М. А. Фронджуло, А. Л. Якобсона⁴². Отсылая за детальными описаниями к работам названных авторов,

³⁷ А. В. Гадло. Ук. соч., стр. 60.

³⁸ Боспор, Сугдея, Мирмекий, Тиритака, Героевка, Илурат, Алексеевка, Феодосия, Планерское (раскопки этих памятников осуществляли Н. С. Барсамов, В. Ф. Гайдукевич, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон, А. В. Гадло, И. Б. Зеест, Т. И. Макарова, М. А. Фронджуло, В. П. Бабенчиков. Ссылки на литературу и характеристику результатов раскопок по данным названных выше авторов см. А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, 85, 1958, стр. 458—501; *его же*. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. МИА, 168, 1970, стр. 26—29); Слюсарев (Э. В. Яковенко. Разведка у с. Слюсареве Крымской области. Археологические исследования на Украине в 1967 г., вып. II. Киев, 1968, стр. 12—13); Азовское (разведочные раскопки автора. Материал не опубликован, хранится в ГИМ); Тау-Кипчак (И. А. Баранов. Салтово-Маяцкое поселение Тау-Кипчак в Крыму. АО — 1969, М., 1970, стр. 283—284).

³⁹ Разведки проводили В. В. Веселов, И. Т. Кругликова, П. Н. Шульдц, А. Л. Якобсон, М. А. Фронджуло, А. В. Гадло, Д. Л. Талис. Данные о разведках части памятников см. А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 458—501; *его же*. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики, стр. 21—26. Нашими разведками 1960 г. собран материал I тысячелетия н. э. на следующих поселениях Восточного Крыма: Кирово, Марфовка, Тамарино, Пресноводное, Зеленый Яр, Новоселовка, Песочное, Азовское, Мысовое, Ленино (б. Семь колодезей), Королево. Материал не опубликован, хранится в ГИМ. В центральной части Крыма проводил разведки А. А. Щепинский (см. А. А. Щепинский. Археологическое обследование Курцово — Сабловской долины. ИАДК, Киев, 1957, стр. 307—322). Материалы из наших зачисток хозяйственных ям поселения в Холодной балке и сборы на территории этого поселения хранятся в ГИМ.

⁴⁰ См. статьи в сб. «Славяне накануне образования Киевской Руси». МИА, 108, 1963; В. П. Петров. Памятники корчакского типа, стр. 16—38; И. П. Русанова. Поселение у с. Корчака на р. Тетерева, стр. 39—50; Д. Т. Березовец. Поселения улочей на р. Тясмине, стр. 145—208; В. К. Гончаров. Лука — Райковецкая, стр. 283—315; см. также И. П. Русанова. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. В сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 151—157.

⁴¹ См. Д. Т. Березовец. Слов'яни й племена салтівської культури. «Археологія», XIX, Київ, 1965, стор. 65; *его же*. Поселения улочей на р. Тясмине, стр. 190—192.

⁴² Литературу см. А. Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения..., стр. 26—29. Материалы наших раскопок еще не опубликованы (хранятся в ГИМ).

отметим некоторые особенности степных селищ Крыма. Жилища и хозяйственные постройки с обязательным зольником расположены на большой площади отдельными небольшими группами. Селища тяготеют к низинам, поймам степных рек, пологому морскому берегу и только изредка занимают возвышенные плато или холмы древних городищ. Местоположение этих селищ и принцип размещения отдельных хозяйственно-бытовых комплексов напоминают обычный у кочевых народов айльно-куренной способ размещения на становище родоплеменной группы⁴³. Наши работы на севере Керченского полуострова показали, что в VIII—IX вв. здесь существовали поселения с жилищами легкого, очевидно юртообразного, облика. Наличие такого типа жилищ подтверждено находками на поселении обломков котла с внутренними ушками. Обитатели степных селищ Крыма раннесредневекового времени первоначально сооружали полуземлянки, близкие по конструктивным особенностям полуземлянкам салтово-маяцких поселений Подонья, а позднее перешли к использованию камня. Вначале им обкладывали земляные стенки котлована полуземлянок, а затем стали возводить постройки целиком из камня, сложенного зачастую в технике «в елочку». Печь, стоявшая чаще всего в северо-западном углу, имела вид ящика, сложенного из камня или вылепленного из самана и перекрытого толстой плитой обожженного самана, которая поддерживалась опорным столбом в центре топки. Конструкция печи заимствована у оседлого населения, обитавшего здесь с древнейших времен. Наряду с печами в жилищах использовались и небольшие открытые очажки в виде тарелкообразных углублений в полу⁴⁴.

Таким образом, отсутствие на поселениях Центрального и Восточного Крыма материалов, которые можно было бы связать с ранними славянами, равно как и различия в планировке поселений, конструкции жилищ, устройстве очагов⁴⁵, не позволяет считать славянским ни одно из 60 известных на этой территории поселений. Отсюда следует, что вероятность упустить поселение именно со славянским материалом очень мала. В западной части Крымского полуострова археологические исследования велись с меньшим размахом, нежели в Восточной, и средневековых памятников известно меньше⁴⁶. Все же характерно, что на поселениях и в этом районе Таврики отсутствует славянская керамика. Особенно показательны результаты многолетних раскопок на скифском городище «Чайка», около Евпатории, где выявлены и строительные остатки поселения раннесредневекового времени с довольно обильным керамическим материалом. Стены помещений были сложены в обычной для крымских поселений этого времени технике «в елочку», а керамика не имеет каких-либо существенных отличий от найденной в Центральном и Восточном Крыму⁴⁷.

Нам остается сопоставить с известными фактами второе предположение: для росов в Крыму характерна не славянская, а какая-то другая керамика и не славянский, а какой-то другой тип поселений. Такой вывод, вытекающий из письменных источников, полностью соответствует и архео-

⁴³ А. В. Гадло. Ук. соч., стр. 63. О подобной планировке на салтово-маяцких поселениях Подонья см. С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 13, 14.

⁴⁴ А. В. Гадло. Ук. соч., стр. 63.

⁴⁵ Ср., например, с крымскими керамику, жилища, печи и планировку славянских поселений Правобережья (Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине, стр. 145—208) и Левобережья (И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 193—210).

⁴⁶ М. А. Наливкина. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена. В сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 271; И. В. Яценко. Раскопки скифских строительных остатков на городище Чайка в Евпатории. АО — 1967, М., 1968, стр. 212; А. Н. Щеглов. Раннесредневековые поселения на Гарханкутском полуострове Крыма. СА, 1970, 1, стр. 254—261.

⁴⁷ Приношу свою благодарность начальнику экспедиции И. В. Яценко, ознакомившей меня с материалами раскопок «Чайки» и разрешившей воспользоваться ими при публикации настоящей статьи.

логическим материалам. Керамику из всех известных степных и приморских поселений Крыма второй половины I тысячелетия н. э., рассматриваемую в качестве этнического индикатора, можно разделить на две большие группы. К первой группе отнесем керамику, лишенную каких-либо этнизирующих признаков. Сюда войдет посуда, в формах и технологии изготовления которой продолжают античные традиции причерноморских городов. Эта группа включает прежде всего всю тарную керамику — пифосы и амфоры⁴⁸, и столовую посуду с покрытиями вначале типа обмазок, так называемая поздняя краснолаковая⁴⁹, а затем ранние группы поливной посуды⁵⁰. К первой же группе относится столовая посуда без покрытий, выполненная на ножном гончарном кругу, обычно хорошо отмученного теста, тщательного обжига, тонкостенная. Это миски, чашки, кружки, кувшины. В последней категории вещей особый интерес представляют высокогорлые кувшины с плоскими ручками⁵¹. Для сосудов первой группы характерно широкое распространение их на большой территории, включающей весь юг Восточной Европы, а если говорить о поздней краснолаковой и поливной посуде, то все Причерноморье и Восточное Средиземноморье⁵². Естественно, что керамика этой группы не может служить этническим признаком.

Вторую группу составляет керамика, имеющая особенности, указывающие на ее этническую принадлежность или хотя бы ареал, связанный с каким-либо этническим кругом. К этой группе принадлежат горшки, по преимуществу шаровидных очертаний, и кувшины более или менее вытянутой, яйцевидной формы, зачастую типа ойнохой. Венчики горшков обычно прямые, слегка отогнутые, встречаются витые, утолщенные наlepным валиком. Венчики украшались зацепками, насечками, нарезками. Сосуды украшали чаще всего врезным волнисто-линейным узором по плечикам либо поясками сплошного рифления. Реже встречается орнамент из пролощенных полос или лощения, покрывавшего сплошь поверхность сосуда⁵³.

Близкие связи этой керамики с синхронной керамикой из Приазовья, Подонья, в меньшей мере Северного Кавказа — установленный факт, многократно обоснованный в ряде работ, и лишней раз приводить доказатель-

⁴⁸ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 325—344; *его же*. Средневековые пифосы Северного Причерноморья. СА, 1966, 2, стр. 189—202; С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. В сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 46—62.

⁴⁹ С. А. Плетнева. Ук. соч., стр. 33—36; С. А. Беляев. Краснолаковая керамика Херсона IV—VI вв. В сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 31—39.

⁵⁰ Д. Л. Галис. К характеристике византийской поливной керамики IX—X вв. из Херсонеса. Тр. ГИМ, № 37, 1960, стр. 125—140; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, стр. 332—358; Т. И. Макарова. Поливная посуда. М., 1967, стр. 7—41.

⁵¹ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья, стр. 337—338; С. А. Плетнева. Ук. соч., стр. 36—38, рис. 21—23; стр. 57, рис. 35; М. А. Фронджуло. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское. АИСК, стр. 124—125, рис. 26.

⁵² Широко распространенные высокогорлые кувшины с плоскими ручками включены в первую группу, хотя в их форме и технике влияние античного производства не прослеживается.

⁵³ В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, 85, 1958, стр. 134—136; *его же*. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 125—131; *его же*. Раскопки Мирмекии в 1935—1938 гг. МИА, 25, стр. 177—183; И. Б. Зеест, А. Л. Якобсон. Раскопки в Керчи в 1963 г. КСИА АН СССР, 104, 1965, стр. 62—69; Т. И. Макарова. Средневековый Корчев, там же, стр. 70—76; Д. Б. Шелов. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. КСИИМК, 68, 1957, стр. 101, рис. 39; А. В. Гадло. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива. КСИА АН СССР, 113, 1968, стр. 80, рис. 19; С. А. Плетнева. Ук. соч., стр. 9—46, рис. 4, 11, 12; М. А. Фронджуло. Ук. соч., стр. 124, рис. 26; А. А. Шепинский. Ук. соч., стр. 307—322, рис. 1, 11; А. Н. Щеглов. Ук. соч., стр. 256, рис. 2.

ства нет нужды⁵⁴. В равной мере несомненным фактом является тесная близость между жилищами населения Подонья и Приазовья, с одной стороны, и первоначальными жилищами населения, осваивавшего с VII в. н. э. территорию Степного и Приморского Крыма — с другой⁵⁵. Следовательно, не только керамический материал, но и формы и конструктивные особенности жилищ, устройство очагов, в особенности наличие открытых очагов, указывают на этническую общность населения Степного и Предгорного Крыма второй половины I тысячелетия н. э. с обитателями Подонья и Приазовья. Этот вывод существенно подкрепляется тесной близостью, а во многих случаях и полным единством типа погребальных сооружений и обряда захоронения в грунтовых могильниках степей Крыма и Приазовья, а также некоторых могильников Северного Кавказа⁵⁶. Некоторые особенности погребального обряда и инвентаря (прежде всего наиболее распространенный тип грунтовой могилы) — ямное погребение, западная ориентация погребенных, положенных на спину, наличие следов гробовищ, в ряде случаев смещение костей в кучу, бедность инвентаря, состоящего почти исключительно из горшка с пищей⁵⁷, — ограничивают общность населения Степного Крыма не со всей салтовской культурой, а лишь с ее так называемым зливкинским вариантом. На этот факт указывает и керамика поселений и могильников, имеющая наибольшую близость именно со степным, зливкинским, а не с лесостепным, салтовским вариантом салтовской культуры. Грунтовые могильники Приазовья и Таврики объединяет также антропологический тип погребенных, почти исключительно брахикранный⁵⁸. Впрочем, в Крым проникали и группы исклнителей культуры типа Салтовского, Дмитровского и аналогичных городищ. На это указывает материал из недавних раскопок в Центральном Крыму поселения в урочище Тау-Кипчак⁵⁹, где расположение жилищ, их тип, отсутствие высокогорных кувшинов с плоскими ручками и наличие грушевидных кувшинов с орнаментом, выполненным лощением, — все ведет в область лесостепного варианта салтовской культуры. Керамический материал такого же типа, что и в поселении Тау-Кипчак, был обнаружен нами при обследовании поселения в урочище Холодная Балка, расположенного также в Центральном Крыму.

Итак, приведенные аргументы, указывая на этническую общность населения Степного и Предгорного Крыма второй половины I тысячелетия н. э. с алаано-болгарским миром Подонья и Приазовья не дают возможности какой-либо иной этнической атрибуции степных поселений раннесредневековой Таврики. Этот вывод, однако, не снимает полностью возможности допущения проникновения в раннесредневековое оседлое население Крыма немногочисленных и этнически разнородных групп, в том числе и славянских, которые не оставили никаких археологических следов.

В ходе дискуссии конца 40—50-х годов о времени появления славян в Крыму поднимался вопрос о возможности видоизменения материальной культуры славян в Крыму, попавших в иное этническое окружение и под его воздействием. На этот вопрос приходится ответить отрицательно, ибо, как было показано, население Таврики по основным этнографическим компонентам и антропологическому облику было связано с обита-

⁵⁴ С. А. Плетнева. Ук. соч., стр. 66—68; А. В. Гадло. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII—X вв., стр. 64; А. Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения..., стр. 187.

⁵⁵ А. В. Гадло. Ук. соч., стр. 63.

⁵⁶ А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 186—187.

⁵⁷ А. Л. Якобсон. Там же; С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 91—95.

⁵⁸ Ю. Д. Беневоленская. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма. МИА, 168, 1970, стр. 206, 207; А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 186, 187.

⁵⁹ И. А. Баранов. Салтово-маяцкое поселение Тау-Кипчак в Крыму. АО — 1970, М., 1971, стр. 283, 284.

телями степей Подонья и Приазовья. К этому можно добавить, что видоизменение материальной культуры не происходит внезапно, его внешним выражением являются переходные формы, которые в данном случае нигде не прослеживаются. Кроме того, во взаимоотношениях с носителями разнотнической салтово-маяцкой культуры славяне как представители однотнической культуры обладали по-видимому, весьма сильной противоассимиляционной стойкостью. Так, в Саркеле славяне и носители салтовской культуры, живя в одном городе, этнографически не смешивались, сохраняя свою культуру⁶⁰. В равной мере это явление наблюдается и в группе славянских поселений, расположенных неподалеку от Харькова. Здесь славянское население, очевидно северяне, было оторвано от основного этнического массива и жило в окружении народов салтовской культуры. В этих условиях славяне сохранили основные этнические признаки и свою, роменскую, культуру⁶¹. В тех же случаях, когда смешение славянских и салтовских элементов все-таки происходило, оно отражено в материальной культуре смешанных форм. Это явление было давно отмечено Б. А. Рыбаковым, который, характеризуя керамику из с. Свистуново в Надпорожье, отметил, что в пей наблюдается своеобразное смешение славянских и салтовских черт⁶². На некоторых поселениях Южной Молдавии, в области так называемой южнославянской культуры, также прослеживаются переходные типы посуды, в которых как бы синтезировались салтовские и славянские формы⁶³.

Итак, резюмируя сказанное, приходим к выводу, что топонимы с корнем «рос» как в восточной, так и в западной частях Крыма расположены на территории, где со второй половины I тысячелетия н. э. массовых археологический материал удостоверяет существование населения, этнически близкого населению Подонья и Приазовья и связанного вместе с тем по ряду признаков с населением предшествовавшего, т. е. античного, периода. Никакого другого этнически определенного материала раннесредневековые поселения степной и предгорной Таврики не содержат. Этим самым определяется решение вопроса об этнической принадлежности топонимов с корнем «рос». Неизбежность такого решения существенно обусловлена еще одним аргументом. В одном из поселений VIII—X вв., расположенном в Западном Крыму, на Тарханкутском полуострове, у с. Окуневка, раскопано массивное каменное сооружение, которое, по аргументированному мнению исследователя, было маяком⁶⁴. Место, где находилось поселение у с. Окуневка, на портоланах называется *Rossofar*, т. е. русский маяк⁶⁵. Этот факт может указывать на развитое мореходство обитателей поселения, т. е. росов. А это обстоятельство в свою очередь следует сопоставить с известиями византийских авторов о росах, обитавших у Северного Тавра и совершавших нападения на Константинополь на многочисленных кораблях еще в IX в.⁶⁶ Поскольку росы обитали там и приходили оттуда, где раньше жи-

⁶⁰ М. И. Артамонов. Саркел-Белая Вежа. МИА, 62, 1958, стр. 61—63; Д. Т. Березовец. Слов'яни й племена салтівської культури, стор. 61.

⁶¹ Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 61; С. А. Плетнева. Рецензия на работу Б. А. Шрамко. «Древности Северского Донца». СА, 1964, 3, стр. 344.

⁶² Б. А. Рыбаков. Улич. КСИИМК, 35, 1950, прим. 3 на стр. 11.

⁶³ Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 63.

⁶⁴ А. Н. Щеглов. Ук. соч., стр. 259.

⁶⁵ А. А. Шахматов склонялся к пониманию корня «рос» в топониме *Rossofar* из итальянского *rossa* — красный (А. А. Шахматов. Варанголимен и Россофар, стр. 131). Этим он, однако, противоречит своему объяснению значения «рос» в топонимах Приазовья и Подонья, где за ними признается реальный этнический смысл. Такому пониманию противоречит еще один термин портоланов на Тарханкутском полуострове — «Варанголимен», т. е. варяжская пристань или озеро. Наличие здесь этого термина требует специального исследования, но во всяком случае тесная географическая близость наименований с корнем «рос» и «варяг» не дает возможности объяснить «рос» из итальянского прилагательного.

⁶⁶ Г. Острогорский. Славянская версия хроники Симеона Логофета. «*Seminarium Kondakovianum*», V. Прага, 1932, стр. 17—36; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 59—62.

ли тавры и тавроскифы, на крымских росов и были перенесены эти наименования.

Таким образом, крымские топонимы с корнем «рос» и археологический материал из раннесредневековых поселений Таврики подтверждает положение Д. Т. Березовца о полной или частичной идентификации носителей салтовской культуры с русами арабских географов⁶⁷. Рассмотренный археологический материал разъясняет вместе с тем еще и другой важный факт. Поселения на западном побережье Крыма, на Тарханкутском полуострове, как и почти все поселения Приморского и Степного Крыма, погибают в начале X в.⁶⁸, что, по-видимому, связано с периодом первой печенежской активности. Отсюда следует, что к крымским росам относятся лишь те упоминания византийских писателей о росах — опытных мореходах, которые датируются не позднее начала X в.

В рамках предлагаемого решения находит объяснение ряд важных для понимания средневековой истории Северного Причерноморья текстов Льва Диакона, вызывавших острую полемику, начиная еще с XIX в. Лев Диакон, трижды упоминая о Киммерийском Боспоре, во всех случаях связывает его с Русью. В первом отрывке Лев рассказывает о послах, которые были направлены Цимисхием к Святославу, чтобы побудить его покинуть Болгарию и удалиться в свои области и к Киммерийскому Боспору⁶⁹. Получив отказ Святослава, Цимисхий, говорит Лев Диакон в другом отрывке, вторично направил послов к Святославу, которые должны были напомнить русскому князю о поражении его отца Игоря, приплывшего к Константинополю со множеством хорошо снаряженных кораблей, а к Киммерийскому Боспору добравшемуся едва лишь с десятком ладей. И наконец, в третьем тексте сказано, что перед отправлением в поход против Руси Цимисхий направил в низовья Дуная византийский флот, чтобы «скифы» не могли уплыть на родину и к Киммерийскому Боспору⁷⁰.

Эти отрывки из Льва Диакона образуют основной из краеугольных камней концепции о Приазовской Руси, а потому им посвящена значительная литература, собственно все работы, в которых так или иначе идет речь о Приазовской Руси. В оценке упомянутых текстов взгляды исследователей резко расходятся: от приписывания Льву Диакону утверждения, что Боспор Киммерийский — родина росов, до полного отрицания каких-либо реальных этнографических соответствий между сообщениями Льва и территорией Таврики⁷¹. В настоящее время можно считать доказанным, что мнение, приписывающее Льву Диакону отождествление Боспора Киммерийского с родиной росов, обусловлено неточностями перевода⁷². Но вместе с тем существует и другая крайность. Утверждается, что Лев Диакон пришел к своим выводам чисто книжным путем, отождествив народ рос с тавроскифами, обитавшими, по мнению кабинетных географов его времени, в районе Ахиллова Бега. А его Лев, не обладавший четкими географическими представлениями о северных берегах Черного моря, помещал недалеко от Боспора Киммерийского⁷³. С таким объяснением согласиться трудно. Из цитируемых текстов Льва Диакона совершенно очевидно наличие связи в представлении этого писателя между областями Святослава, т. е. родной Руси, и Киммерийским Боспором, хотя эти области Львом и не отождествляются. Рассматриваемое объяснение не учитывает имеющихся сведений о том, что Боспор в XII и XI вв. назывался, очевидно, Русией или Русней, и оставляет без внимания наличие на северном побережье Азовско-

⁶⁷ Д. Т. Березовець. Про ім'я носіїв салтівської культури. «Археологія», XXIV, 1970, стор. 56—74.

⁶⁸ А. Н. Щеглов. Ук. соч., стр. 259.

⁶⁹ Leon. Diac. Hist., p. 103.

⁷⁰ Leon. Diac. Hist. p. 129.

⁷¹ Указания на литературу см. П. О. Карышковский. Лев Диакон о Тмутараканской Руси. ВВ, XVII, 1960, стр. 39—44.

⁷² Там же, стр. 42—43.

⁷³ Там же, стр. 51.

го моря упоминавшихся топонимов с корнем «рос». Но ведь эти топонимы не измыслили ни Лев Диакон, ни кабинетные географы. Стремление как-то осмыслить одноименность воевавших в Болгарии росов и Боспора — России, а возможно, и других крымских и приазовских топонимов с корнем «рос» и обусловило стойкое словосочетание Льва Диакона, упорно связывавшего Боспор Киммерийский с родиной росов. Впрочем, для этого у Льва могла быть и другая причина. Доказано, что этот автор был знаком с Окружным посланием Фотия⁷⁴ и, таким образом, осведомлен о нападении росов на Византию ранее X в. Поскольку, как мы пытались показать, эти росы были крымскими росами, то это и привело Льва Диакона к мысли о том, что росы Святослава, воевавшие с Византией в Болгарии, как-то связаны с росами, нападавшими на Византию из Крыма.

Вопрос о том, почему славяне Приднепровья то ли одновременно с крымскими росами в IX в., то ли позднее, с X в., также стали называться росами или Русью, выходит далеко за пределы стоявших передо мною задач. Как бы этот вопрос ни решался, а предлагаемые решения многочисленны и зачастую противоположны⁷⁵, можно думать, что Днепровскую Русь византийские писатели называли тавроскифами и таврами именно потому, что на нее было перенесено название народа, действительно обитавшего в Крыму в VIII—IX вв., т. е. росов.

D. L. Talice

LES ROSS EN CRIMÉE

Résumé

L'article entreprend à élucider la question de la provenance des toponymes criméens contenant la racine «РОС» (ross) connus d'après les portulans italiens et catalans des XIII — XV siècles. Les renseignements fournis par les sources écrites démontrent que ces toponymes sont en rapport avec le peuple qui effectivement habitait en Crimée dans la première moitié du X s. au plus tard; les auteurs byzantins le nommaient Ross, Taures — Scythes, Scythes ou Taures, les écrivains arabes les appelaient Rouss. Il est lieu de rappeler que les Slaves habitant le bassin du Dniepr, eux aussi, portaient le nom de Ross ou Taures — Scythes, c'est — à — dire appartenaient à une ethnologie qui était en rapport directe avec la Crimée. L'identification des Slaves dnéproviens avec les Ross dont les traces demeurent dans la toponymie de la Crimée et du littoral de la mer d'Azov est pourtant contestée par les données archéologiques.

En confrontant les sources écrites avec les vestiges matériels et les données toponymiques on vient à la conclusion que les toponymes à la racine «РОС», aussi bien à l'ouest qu'à l'est de la Crimée, sont situés sur le territoire où le matériel archéologique de masse atteste depuis la deuxième moitié du premier millénaire la présence de la population ethniquement proche à celle du bassin du Don et de la mer d'Azov et rattachée en même temps par un nombre d'indices à la population de la période antérieure, c'est — à — dire de l'Antiquité classique. Les agglomérations du moyen âge initial dans les steppes et piémonts tauriques ne contiennent aucuns autres matériaux ethniquement déterminés. C'est ce qui détermine la solution du problème d'appartenance ethnique des toponymes à la racine «РОС».

⁷⁴ П. О. Карышковский. Ук. соч., стр. 51.

⁷⁵ См., например, Б. А. Рыбаков. Предпосылки образования древнерусского государства. Очерки истории СССР III — IX вв. М., 1958, стр. 747; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 293; Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 73.